

Если бы Галину Васильевну попросили охарактеризовать свою дочь одним словом, она бы сказала: негодёпа. Нашлись для неё для Вики слова и похлеще, но «негодёпа» было слово самое точное, к тому же несколько жалостливое,—а кому, как не матери, пожалеть своё плоховато устроившееся в жизни дитя?

Галина Васильевна старалась для единственной дочки много. У неё самой и у мужа образование было только среднее, поэтому с ранних Викиных лет Галина Васильевна желала, чтобы дочь окончила университет и вышла в люди. Образованных людей Галина Васильевна искренне уважала, считая их лучше себя.

Училась Вика неплохо, со второго класса запросилась в художественную школу, и пришлось постоянно покупать ей краски, бумагу, маркеры, какие-то соусы и сепии. Но Галина Васильевна не жалела денег ни на художку, ни на репетиторов, твёрдо держа в уме план, что дочь должна выбиться в люди, а не сидеть, как она сама, на нерво-трёпной бухгалтерской работе. Галина Васильевна заставляла мужа заниматься с Викторией математикой и физикой, но тот справлялся до поры до времени, а потом, сколько бы Галина Васильевна ни ругалась, помочь дочери в освоении школьной программы ничем не мог.

Всё же Вика вполне прилично сдала экзамены по русскому, английскому и (с помощью репетитора) по математике и поступила в Суриковское училище, только зачем-то на живопись, а не на дизайн. Галина Васильевна надеялась вразумить Вику как-нибудь переквалифицироваться на дизайнера уже во время учёбы. Но та, хотя всегда была послушной девочкой, по-глупому заупрямилась и не пожелала расстаться со своими (между прочим, дорогими) красками. Да ещё и стала тратить время на посиделки в каких-то компаниях и, возвращаясь домой иной раз ночью, огрызаться.

Закончились все эти художества, как Галина Васильевна и предвидела, плохо. В кругу непризнанных талантов Вика сошлась с каким-то типом не то хакаских, не то тувинских кровей, съехала с ним и совершенно некстати забеременела. Галина Васильевна была готова проклясть всё на свете, если бы из-за этого ребёнка Вика не сдала бы выпускные экзамены. Но она снова всё

благополучно сдала и получила диплом, только устроиться на работу уже не успела.

Узкоглазый зять сразу не внушил Галине Васильевне доверия, так что она ничуть не удивилась, когда обнаружилось, что в степных краях у него имеется ещё одна жена и другой ребёнок. Через время зять уехал, неопределённо пообещав, что это временно, и из съёмной квартиры Вику не выгонял. Галина Васильевна сама предложила ей вернуться домой:

— Жизнь у тебя не удалась. Возвращайся уже к нам с отцом.

В ответ на эти слова Вика разразилась внезапными обильными слезами.

— Что плакать?.. Я ведь тебе говорила. Плохо тебе жилось, гулять захотелось..

Вика больше не огрызалась—рыдала, уронив голову на руки. Галине Васильевне стало жаль её. — Ну, ну, не реви,—потрепала она дочь по тонким и лёгким, как у ребёнка, волосам.—Я помогать буду. Ребёнку два года исполнится—в садик пойдёшь, на работу устроишься там вместе с ним. И сама сыта, и он при тебе,—Галина Васильевна не обращала внимания на то, что говорит о маленькой внучке в мужском роде.

Вика глубоко вздохнула и обхватила себя за плечи тонкими руками.

— Я вот тебе сумку принесла. Мясо, говядину сварила. Отец вон взял, я его по субботам на базар отправляю. Мясо хорошее, ты сама такого не купишь...

— Спасибо,—прошептала Вика.

— Ну, так что по делу? Домой к нам будешь возвращаться?

Вика всхлипнула:

— Он сказал, что уедет, наверное... туда, а квартиру нам оставит. Будет мне деньги перечислять на аренду.

Галина Васильевна провела рукой поверху холодильника и, рассматривая посеревшие пальцы, брезгливо поморщилась:

— Пыль кругом. У тебя ребёнок маленький, а ты живёшь в грязи... Какая тебе аренда?! Всё время я за тобой ухаживала. Не умеешь ты самостоятельно жить.

— Умею,—с проснувшимся упрямством возразила Вика.

— А! Ну, умеешь — так умей. Денег тогда не дам, — отрезала Галина Васильевна и вышла в коридор обуваться. — И не приду.

Приходила она, конечно, регулярно. Раз в неделю — обязательно, второй — если было с чем идти. С пустыми руками Галина Васильевна не заявлялась ни к кому никогда и не могла понять людей, которые себе это позволяли. Она приносила детское питание в баночках, фрукты, котлеты, беляшечки маечки, трусики и носки для ребёнка, мыло и шампунь для Вики. В квартире, конечно, не было особого порядка, но деньги на съём откуда-то водились. — Выгоняют с квартиры-то? — вызывала дочь на открытость Галина Васильевна.

— Нет, почему?

— А где деньги берёшь?

— Я стала немножко в Интернете подрабатывать... Главное, Ваня присылает. Как обещал.

— Ваня! — презрительно бросила Галина Васильевна. — Тоже мне, Ваня нашёлся. Ты вот не говоришь матери, а он ещё, поди, ездит к тебе, совести у него хватает?

— Два раза был...

— Тьфу! Нет гордости у тебя. Я бы его на порог не пустила. Обманул, унизил...

Галина Васильевна задержала взгляд на внучке, которую назвали Юлианой. Ей исполнилось уже полтора года, но она до сих пор ходила нетвёрдо и слегка косолапила. Глаза у неё были узкие, припухшие, как у всех тувинцев, нос чуть приплюснутый, скулы широкие. Только русым волосом да тонкой костью девчонка пошла в мать.

«Жаль, некрасивая девка будет», — опечалилась Галина Васильевна, но вслух этого говорить не стала, пожалев дочку.

Шёл год за годом. Вика ради ребёнка устроилась работать в сад: вначале была нянечкой, потом её взяли воспитателем и заодно дали вести изостудию, правда, предупредив, что года через два надо будет проходить педагогические курсы, чтобы к работнице без педобразования не предъявили претензий проверяющие. Галина Васильевна не выносила суеты и не любила ходить в сад, при надобности отправляя туда мужа. Тот, и всегда не очень серьёзный, к старости вовсе впал в детство и с радостью выгуливал девчонку, катал её на лошади, иной раз водил в кафе.

— Ты бы лучше на другие деньги потратил, — упрекала его Галина Васильевна. — Она разговаривает как? Половину букв не произносит. Ей логопед нужен. Или хоть на одежду. Ходит в каких-то обносках.

— Сами и купи, — резонно возражал муж.

Аккурат к восьмому марта Галина Васильевна присмотрела для внучки две симпатичные кофточки в добротном магазине. Шестого числа она позвонила Вике и объявила ей:

— Я Юлиане две блузочки нашла. Померить надо. Магазин хороший, в Ветлужанке. Чтоб никто другой не взял, надо сразу, в десять часов, приезжать.

Вика на том конце провода помолчала.

— Не знаю, мам, сможем ли мы...

— Не сможешь так не сможешь! — вспыхнула Галина Васильевна. — Ходите в своём рванье.

— Да подожди. Я не договорила. В десять, ты сказала... Ну ладно.

Галина Васильевна, разумеется, сама приехала тоже, чтобы посмотреть, хорошо ли будут сидеть кофточки на Юлиане. Примерив на ребёнка пять или шесть предметов одежды, Галина Васильевна остановилась на голубой блузке с воланами и розовой водолазке с котёнком.

— Доченька, ты согласна? — Вика наклонилась к Юлиане.

Та захотела взять голубую блузку, но от розового одеяния отказалась, предпочтя ему невнятного цвета толстовку с капюшоном.

— Мам, мы это берём, — пододвинула вещи на кассу Вика.

Галина Васильевна уже хотела высказаться на тему того, что некоторые, даже выучившись в художественном училище, не имеют вкуса, но заметила, какими радостными глазами смотрит на обновки Юлиана, и решила промолчать.

— Носи, моя хорошая, — погладила она ребёнка по плечу. — Носи, это от бабы Гали тебе подарок, от бабушки единственной. А я вам ещё фруктов привезла.

— Мам, ну куда мы сейчас с твоими фруктами? — смутилась Вика. — Мы же не домой.

— А куда это вы наострились? — искренне удивилась Галина Васильевна.

— В музей.

Чего-чего, но такого ответа Галина Васильевна точно не ожидала. Она уже приготовилась пожуричь Виду за то, что та шляется к своей подруге, а то и подцепила мужика; или, может быть, наоборот, похвалить, если та собралась, скажем, на рынок за продуктами или наконец-то в соцзащиту, разузнать про льготы. И тут — музей. Такое место, как музей, не входило ни в одну из знакомых Галине Васильевне категорий.

— Что делать-то там? — растерялась она.

— Там программа «Сладкие истории». Будут рассказывать про историю конфет в мире, про то, как они в Россию попали...

— Что рассказывать, их есть надо, — перебила Галина Васильевна. — Бог с вами, поезжайте куда хотите, если больше заняться нечем.

И вдруг Юлиана, крепко держа в руках пакет с подаренными бабушкой кофточками, воскликнула:

— Баба Галя, поедем с нами!

Вика смущённо прыснула смешком и позвала тоже:

— Мама, ну а что? Давай поедем? Мы такси вызовем.

Галина Васильевна нахмурилась:

— Придумали ерунду какую-то. Я не вы, мне заняться есть чем. Я домой пойду. И фрукты заберу, раз вам лень их нести.

По правде говоря, ей совсем не хотелось тащить обратно сумку с яблоками и апельсинами, в которую она положила ещё и тяжёлую бутылку подсолнечного масла. Поэтому Галина Васильевна всё-таки согласилась, когда дочь сказала ещё раз: — Давай поедем! Ребёнок ведь просит.

Музей находился на спуске с моста, на крутом яру, с которого была видна стальная лента Енисея. Состоял он из двух деревянных домов, на шоколадном фоне которых были издалека видны ярко-белые наличники. Один представлял собой старинную купеческую дачу, другой — библиотеку.

Дорога до музея оказалась такой извилистой и ухабистой, что Галина Васильевна не раз пожалела о том, что согласилась сюда ехать. То машина должна была красться по долговому спуску, то проваливалась в яму, то должна была резко поворачивать вправо, так что голова стучалась о стекло. — Да что ж за дорога-то такая! — пожаловалась Галина Васильевна вслух таксисту-женщине. — Всю печень можно отбить на этих колдобинах. Музей называется!

Водитель, приятной внешности дама, охотно согласилась:

— Дорога и правда дикая. Но ничего, не волнуйтесь, уже почти подъезжаем. Вы дороги не побоялись, вон едете всем семейным женским составом. Начинаете восьмое марта праздновать!

— И не говорите, — неопределённо отозвалась Галина Васильевна.

В музее их встретила старушка, похожая на одну сослуживицу Галины Васильевны, причём не только сморщенным лицом, но и привередливым нравом.

— Скажите девочке, что в тот зал ходить нельзя, это запрещено, — строго заметила старушка.

Галина Васильевна отозвала внучку, но про себя пробормотала:

— Ишь какая деловая. Что там ребёнок тебе испортит?

Сама Галина Васильевна с любопытством заглядывала внутрь. Комнаты впереди виднелись большие, с высокими потолками, с добротным паркетом на полу.

— Сегодня будет кто, кроме нас, или мы одни такие дураки приехали? — с опасением спросила она.

— Не бойся, не одни. Видишь, люди заходят, — показала на раздевающихся в гардеробе гостей Вика.

Посетителям до начала экскурсии разрешили зайти в два зала. В одном из них находились какие-то кости и черепки, картинки древних людей,

в другом располагался макет купеческой дачи, какой она была примерно сто двадцать лет назад. — Домики, домики! — радостно показала пальцем на макет Юлиана.

Галина Васильевна окинула взглядом объёмистый макет. Рядом с бордовым домиком, обозначавшим саму дачу, находились сад с цветущими деревьями, какой-то сарай или хлевик с гусьями, баня, огород. На расстоянии был другой дом, поскромнее прежнего, но тоже аккуратный и нарядный, а за ним — мельница и разные хозяйственные постройки.

«Неплохо жили люди, — подумала про себя Галина Васильевна. — А мы? Ютимся в халупе, хорошо, если двухкомнатной».

Из боковой двери вышла высокая девушка, фигура которой была откровенно обтянута стрейчевым платьем с вырезом, и бойко поприветствовала всех.

— Здравствуйте, здравствуйте, — без особой симпатии ответила ей Галина Васильевна.

— Сегодня мы с вами можем поиграть семьями, — предложила фигуристая девушка и показала на лысоватого папу с двумя дочками.

Папа с девочками отсели на предложенное место, чуть поодаль расположилась мама с похожими друг на друга чернышками детьми. Оставшиеся три стула заняли Галина Васильевна, Вика и Юлиана. — Ну что ж, начнём нашу программу! — задорно объявила девушка и, хотя в комнатах не было холодно, накинула на плечи платок.

«Так-то поприличней будешь выглядеть», — мысленно одобрила её Галина Васильевна.

Девушка стала рассказывать о том, что в древности у бедных людей не было конфет, и вместо них ели варенные в меду финики, урюк, изюм, но и то не все и далеко не каждый день. В приятном расположении духа древние правители бросали в толпу такие самодельные конфеты, но скоро им стало жалко разбазаривать своё добро, и в ход вместо фиников пошли нарезанные бумажки — конфетти.

«Ну конечно, что тратить? Народ и так схаваает», — возмутилась про себя жадностью древних повелителей Галина Васильевна.

Поговорив ещё об истории сладостей, девушка раздала каждой семье конверты с карточками и надписями. Надо было дать ответ, как называется то или другое лакомство и в какой стране его производят. Галина Васильевна знала только про ягоды в меду, но Вика на удивление быстро разложила все надписи по нужным картинкам. — Так, посмотрим, какая команда справилась первой, у кого сколько ответов, — девушка бодрой походкой направилась к столам. — У вас одна ошибка, у вас две... А у вас всё правильно. И вы были первыми! Вот вам призы, — положила она ириски прямо около Галины Васильевны.

— Обалдеть,— усмехнулась та и посмотрела на дочку.— Ты откуда это всё знаешь?

Вика пожалла плечами. Дальше девушка стала рассказывать про шоколад и расспрашивать про открытие Америки и про индейцев. Тут Галине Васильевне пришёл черёд удивляться за внучку: девчонка, хоть шепелявя и картавя, ответила на все вопросы, которые задавала музейная работница.

Окна музея закрывали рулонные шторы, но даже сквозь плотную ткань просачивались медовые лучи весеннего солнца. Крышка стола тоже была яркая, золотистого цвета, и Галине Васильевне вдруг вспомнилось, как она первоклашкой зашла в школу, села за парту, приготовилась слушать первый в жизни урок. Ей тогда показалось, что парта пахнет солнцем.

— Сейчас начнётся самое интересное!— пообещала музейная девушка, и Галина Васильевна даже ей поверила.— Мы с вами изготовим собственными руками коробочки для конфет—бонбоньерки.

Участникам раздали схемы, ножницы, фигурные дыроколы. Девушка показала, как пользоваться последними: стоило легко нажать на край бумаги, и в нужном месте появлялся красивый вырез в виде ажурного солнышка, цветка, голубя, зайчика.

— Ну-ка, покажи мне, как сделаешь эту коробочку,— попросила Галина Васильевна внучку.

Юлиана аккуратно вырезала развёртку, скрепила концы.

— Баба, ты какой возьмёшь степлер?

— Какой степлер?

— Ну, что тебе на коробочке сделать: зайчика, птичку, солнышко?

— Солнышко мне,— уверенно ответила Галина Васильевна.

Вышла милая, аккуратная коробочка с прорезами, которой не хватало разве что цвета. Вика сложила внутрь причитающиеся матери три конфетки.

Музейная девушка тем временем предложила всем пройти по комнатам. В ближайшем зале были развешаны картины каких-то школьников, в следующей комнате пространство занимали книжные шкафы. Самое интересное, как и предполагала Галина Васильевна, ждало наверху.

На втором этаже девушка, светя красным лучом лазерной указки, демонстрировала яркие большие конфетные фантики, жестяные коробки из-под печенья. На фантиках были нарисованы нарядные дети в башмачках с лентами, цветы, птицы. Коробки из-под эклеров и печенья тоже отличались богатой отделкой. Всё в этих залах дышало роскошью и красотой. Галина Васильевна внимательно осмотрела заключённые в витринах женские украшения, длинные платья, пояса, туфли и попыталась представить себе жену и дочерей

купца, которые сто лет назад жили на этой даче, ели тут конфеты и от нечего делать собирали фантики. Представить получалось с трудом— настолько их жизнь мало соотносилась с той, которой всегда жила Галина Васильевна.

Девушка, бойко щебеча, показывала по порядку обтянутый сукном письменный стол, коллекцию бабочек, фотографические принадлежности, альбомы и прочие вещи, принадлежавшие семье купца.

— Он торговал в том числе и сладостями,— будто спохватившись, добавила девушка.— Посмотрите, пожалуйста, на прејскурант конфет.

— Деньги сам считал, или были работники?— поинтересовалась Галина Васильевна.

— Ой, я, если честно, не в курсе. Вы посмотрите на этот лист.

Галина Васильевна принялась внимательно изучать прејскурант. По оптовым ценам покупались мармелад «Лилипут», карамель «Утиные носы», монпансье из фруктовых соков, каштаны и клюква в сахаре, шоколадные наборы «Азбука», «История» и «География».

— Как это, наверное, было всё вкусно!— воскликнул чернявый ребёнок, тоже заглянувший в прејскурант.

— Да уж думаю,— поддержала его Галина Васильевна.— Не то что нынешняя отрава.

Девушка пошла рассказывать что-то про декабристов, про поселения, про царские указы. Её слушали уже плохо.

— Есть вопросы?— осведомилась она в конце своего монолога.

— А чем он вообще занимался, этот купец?— спросила Галина Васильевна.— Образование-то у него какое было?

— Ну, я вам говорила, что он был меценатом... А так, вообще... У него был ликёро-водочный завод. Он предпринимательством занимался с четырнадцати лет, ну и... самообразовывался.

Галина Васильевна утрюмо усмехнулась.— Водкой, значит, торговал. Народ спаивал, а себе устроил сладкую жизнь.

Девушка поморгала глазами и деланно посмеялась:

— Ой, ну зачем вы так? Он много хорошего оставил после себя.

— Ну, пооставлял кое-что,— примирительно сказала Галина Васильевна.

Внизу она ещё раз прошлась по всем залам купеческого дома, полюбовалась на высокие потолки, на хрустальные люстры, на белёные бока голландской печи, которая в старые времена давала тепло этому дому.

Юлиана остановилась возле стеклянной витрины с какими-то значками и медалями.

— Что это, мама?— спросила она у Вики.

— Это разные награды, доченька.

— За великую войну?

Вика присмотрелась к витрине:

— Нет... похоже, нет. Уже за более позднее время.

— Да какие это награды? — усмехнулась Галина Васильевна. — Это же просто советские значки. У меня такой есть.

— У тебя? — радостно спросила Юлиана.

— Что там показывать-то?! — напоказ сердясь, ответила Галина Васильевна. — Обыкновенный значок, «Ударник коммунистического труда». У меня ещё и грамота похвальная есть.

— Mam, ты покажи Юлиане, ей интересно, — попросила Вика.

— Покажу, моя девочка... Придѣшь ко мне, покажу... Там и у отца есть значок, «Пятнадцать лет на заводе телевизоров».

— Там у вас дома все значки да грамоты собрать — тоже целый музей получится, — улыbnулась Вика. — Музей... Кому он нынче нужен, этот музей? Мусор это теперь всё...

— Баба, это не мусор! — горячо возразила Юлиана.

Галина Васильевна засмеялась, глядя на неё.

— Ты моя девочка, красавица! Всё тебе покажу. Будешь нашими значками играть.

Юлиана взяла бабушку за руку и проговорила:

— А ты, баба, ведь тоже девочка. Только старая. Я тебя раньше не знала, а теперь узнала.

— Ну, ага, — полупечально улыbnулась Галина Васильевна.

Музейная девушка объявила результаты конкурса:

— Победителями у нас сегодня стала женская команда: бабушка, мама и внучка! Они набрали больше всего баллов. Поздравляем!

Девушка вручила им ещё одну горстку конфет, но остальных тоже одарила ирисками, так что в обиде не остался никто. Гости начали расходиться. Галине Васильевне захотелось заговорить с кем-нибудь, узнать, как им понравилась экскурсия. Она была в музее последний раз ещё в комсомольской молодости, когда по музеям да театрам хотя бы изредка ходили все. А после не была — времена в стране настали такие, что заниматься приходилось не музеями, а выживанием. Но вот теперь,

оказывается, люди опять потянулись к красивому, и это теперь не странно и не стыдно.

Она заглянула в не замеченный до сих пор зал, где стояли большие и маленькие деревянные игрушки. Тут были выточенные из дерева кот и собака, щука на колѣсах, расписной домик и даже настоящий маленький театр — балаганчик с флюгерами и башенками. Галину Васильевну охватила острая обида: мало того, что эти богатые наряжались в роскошные платья, собирали бабочек да фантики, ели пирожные коробками, так ещё и дети у них играли в такие великолепные игрушки, какие не снились нынешним ребятишкам вроде Юлианы. — Это заграничное или у нас делали? — горько спросила она музейную девушку.

Та вежливо засмеялась:

— Это делали у нас, это современный мастер. Он до сих пор в городе живѣт. По специальности театральной художник.

— Сейчас живѣт?! — несказанно обрадовалась Галина Васильевна. — Ты смотри! Не всё хорошее в прошлое ушло. Есть мастера-то!

— Конечно, конечно, не всё, — заулыбалась музейная девушка, ничего не понимая.

Старуха со сморщенным лицом стала пристально глядеть на Юлиану, которая присела на корточки перед деревянным балаганчиком.

— Руками не трогать, — напомнила она.

— Да идѣм уже мы, идѣм, — успокоила её Галина Васильевна и пророчала про себя. — Вот ведь старая ведьма...

На улице было холодно, с Енисея задувал ветер, но предчувствие весны близилось в жидких солнечных лучах, в низких и плотных, как осевшая опара, сугробах.

— Вызывай такси, — сказала Галина Васильевна дочери. — Завезли меня сюда, сейчас будем битый час толкаться, пока уедем. Дороги чѣрт пойми какие, автобусы не ходят. Музей, тоже мне...

Она привычно ворчала на дочь, дороги, автобусы, власти, но в глубине души была довольна сегодняшним днѣм и совсем забыла о том, что в раздевалке музея осталась сумка с апельсинами и подсолнечным маслом.